

Ко дню тезоименитства его Высокопреосвященства митрополита Владимира

В церковном календаре 17 октября знаменуется днем памяти благоверного князя Владимира Ярославича Новгородского, чудотворца, небесного покровителя почетного настоятеля нашего собора митрополита Владимира (Котлярова). Духовенство, администрация и прихожане Собора поздравляют дорогого владыку Владимира и желают ему крепкого здоровья и помощи Божьей на многая лета. К этой дате мы предлагаем вашему вниманию выдержки из беседы митрополита Владимира с протодиаконом Андреем Чижовым. Это интервью стало уже раритетом: оно отражает воспоминания владыки Владимира об отце, о своем пути к вере, о служении в Церкви Христовой.

— Как Ваши родители сделали Вас верующим человеком? В то время это сделать было очень сложно.

— Мне не так трудно было войти в Церковь, потому что папа у меня был диакон, хотя храмы были закрыты, и до 1943 года я даже не знал, что у меня папа — священнослужитель. Тогда этого нельзя было говорить. Он постоянно менял место жительства, выбирал такую работу, чтобы быть на колесах — ездил проводником на товарном поезде. Жили в Актюбинске, брали из Казахстана, скажем, лошадей, и их везли на Дальний Восток: с Дальнего Востока брали картофель или какие-то овощи и привозили в Казахстан — там своего не было. Товарный поезд две-три недели шел до Владивостока, его разгружали-загружали, и две-три недели он возвращался назад. Его подолгу не бывало, поэтому не успевали выйти на его след, иначе его посадили бы. В 1938 году один знакомый нас предупредил: скажи бригадир, чтобы отец не возвращался с поездом, за ним придут, его будут брать. Сделали так, чтобы папа не приехал. Мы видели, как поезд встречала милиция с овчаркой. Поэтому мы, дети, не знали, кто он, все молчали и все боялись.

Бывали великие праздники, как Рождество, храма не было. Я видел, как он в праздничные дни становился к стене и молча стоял — молился. У нас всегда была икона Спасителя и Божией Матери, и он стоял перед иконой часами. Я уже потом, когда открыли храмы, узнал, что он диакон, пошел с ним вместе в храм, начал петь в хоре с шестнадцати лет.

Отец мой с девяти лет пошел петь в церковный хор. Регент ему предложил никуда не уезжать, а остаться петь в церковном хоре. Он спросил отца, моего дедушку, который был крестьянином. Тот сказал: ты сам зарабатываешь себе на пропитание. Поступай как хочешь. У него был прекрасный альт, он по праздникам всегда читал апостол. Жили в селе, не было рядом человека образованного, никто не подсказал. Отец остался в церкви петь. Когда пошел в армию на первую мировую войну, там его назначили полковым псаломщиком. А когда по окончании мировой и гражданской войны он вернулся домой, в 1927 году его рукоположили в сан диакона. Служил он недолго, в 1936 году в Актюбинске храм закрыли, настоятель сказал ему: отец Савва, уезжай! У меня дети взрослые, я старый человек, если что-то со мной будет, я не переживаю, а у тебя четверо детей.

Из Новороссийска — большое село возле Актюбинска — он уехал в Актюбинск. В Актюбинске пока был открыт собор Александра Невского, он служил. Когда собор закрыли, он стал устраиваться на гражданскую работу. Со временем сотрудники НКВД вышли на его след. Тогда он оставил доверенность на продажу дома маме, а сам уехал в Джамбул. Мама продала дом, и в 1938 году мы — вся семья — переехали на юг Казахстана.

Храмы были закрыты, и в праздничные дни без богослужений отец очень переживал. Когда началась Великая Отечественная война, отец ушел в армию на трудовой фронт, служил в Ташкенте. Случилась какая-то авария с машиной, и он вернул-

ся домой на костылях. В 1943 году, когда открыли храм, он пошел в храм. Дома в портрете между газетами была спрятана старая ставленическая грамота. Он пошел к настоятелю, предъявил Грамоту, и через некоторое время из Алма-Аты пришел указ, что он назначается диаконом в Успенский храм г.Джамбула.

Детство у меня было очень трудным. Пришлось пережить болезни, голод, перелом позвоночника, войну, лишения. Когда наступило время выбора жизненного пути, я не пошел по легкому пути. Я читал Белинского, Чернышевского, Маркса, Энгельса, искал «истину», но ответа не получил. Посещая храм, участвуя в пении хора, я слушал проповеди священника, читал Священное писание и религиозную литературу. Взвесив все, я понял, что мне нужно остаться в Церкви. Я решил пойти в статистический техникум, чтобы получить гражданскую профессию на случай, если сошлют или посадят. Получил ди-

плом бухгалтера и поехал в семинарию.

У меня не было борений, исканий, потому что я видел родителей, присутствовал на богослужении, вошел в Церковь просто и безболезненно и решил остаться.

— Богослужение Вы любили?

— Я посещал богослужения на все праздники и вечером, и утром. До храма ходили пешком пять километров, автобусов во время войны не было. Служба шла три часа, хор пел хорошо, хорошо читали, ектению об оглашенных никогда не опускали, часы читали полностью. У меня всегда была одна трудность — в детстве был перебит позвоночник, и это сказалось на всей системе, несущей корпус, и на ногах. Особенно трудно было, когда поехал учиться в Семинарию. В Лавре были долгие богослужения, и у меня ноги горели. Ребята молодые отстоят службу, поужинают, идут на воздух, гуляют, а я уже гулять не мог, у

меня болели ноги. В этом плане было трудно.

Папа утром ходил на службу, возвращался и обедал, а к пяти часам снова шел на службу. Когда пошли автобусы, стало легче. До этого кто-нибудь иногда довозил на машине. Такси тогда тоже не было, они появились к 50-м годам.

Но богослужения я любил. В хоре были хорошие голоса, потому что было много ссыльных людей, был сослан солист из оперного театра Одессы - Николай Акилювич, работал преподавателем. Он был лысенький, приходил в храм, надевал парик. Он стоял в народе, на хор не становился. Басом в хоре пел бухгалтер из Госбанка, очень хороший человек, когда пели "Разбойника...", вдруг появлялся Николай Акимович сзади, становился и пел прекрасным басом. Когда уходили из храма, он подошел к отцу и говорит: вы меня не знаете, а я вас знаю, ваш старший сын Николай у меня учился, а теперь младший учится.

Я любил пение, было прекрасное пение в нашем храме, хотя хор не сравнить с современными хорами, но голоса были хорошие, и произведения были серьезные.

— **Вы всей семьей ходили?**

— Папа раньше уходил служить. Я когда один, когда с сестрой Марией ходил. Старший брат был в армии тогда, потом в офицерском училище, затем уехал на фронт. Самая старшая сестра закончила педагогический техникум, ее направили в район преподавать, и одно время до окончания войны она была директором средней школы. Мама редко ходила в храм. Я уже учился в семинарии, приезжал на каникулы, тогда уже пошли автобусы, и мы ездили на спевки и службы.

— **С тех пор Вы туда не возвращались?**

— Когда был рукоположен во священника, однажды я приезжал домой, там многое изменилось.

— **Какие люди там жили, кро-**

ме ссыльных?

— Процентов около 70 там было русских, не казахи. Казахов было 20-30 процентов, не больше. Это кочевой народ, они жили в основном в селах, в горах, держали скот. У них были в то время юрты, и одевались они в свои национальные костюмы. Русские помогли в Алма-Ате создать Академию наук, оперный театр, институт, университет. Местное население имело большие льготы: если у студента не было отца, а он учился даже на двойки, и он был потенциальный кормилец, ему давали в общежитии бесплатно квартиру, он получал стипендию. Другому человеку даже за неуспеваемость стипендию не дают. Много было евреев, украинцев, белорусов, кавказцев, поляков (они держались отдельно, и когда освободили Польшу, они вернулись домой). Были кумыки сосланы, чеченцы, уйгуры, китайцы, корейцы (недалеко от Алма-Аты проходит граница с Китаем), были узбеки, татары. Когда я учился в техникуме, у нас были корейцы, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, татары - многонациональная семья, поэтому для меня вопросы национальностей не существуют, и я удивляюсь, когда начинают поднимать национальные вопросы. Мы все сидели за одной партой, вместе росли.

— **Как Вы думаете, Владыка, чем бы нужно заниматься в первую очередь? Конечно, механизм становления и развития Церкви сегодня очень важен. Какие проблемы: образование или проблемы воспитания кадров, что главное сегодня?**

— Я думаю, всегда в Церкви было главным духовное окормление верующих, их воспитание, их образование и, конечно, очень важно сегодня, это вопрос больной, причем нас даже упрекали иногда в том, что мы слишком много ему уделяем внимания, — это восстановление храмов, монастырей, это обеспечение общины, прихода помещением, всем нужным, необходимым для молитвы, и на это уходят большие средства, потому что 80 лет разрушалось,

Слева направо: протоиерей Иоанн Певунов, священник Владимир Котляров (стоит), священник Савва Котляров - отец священника Владимира. Караганда, 1954 год

не строилось, не создавалось. В 90-х годах мы начали возрождать храмы, и когда восстанавливали первые храмы, тот же Данилов монастырь, мы смотрели на это как на чудо, как на подвиг. Это сейчас мы привыкли к этому, и сейчас 470 монастырей вместо двадцати, и все они требуют внимания, заботы, восстановления, реставрации. Церкви возвращены тысячи и тысячи приходов. Все это надо восстанавливать. Нам иногда говорили: «Вы храмы постройте, а кто будет в них ходить, если вы людям не будете уделять внимание?» Мы уделяем внимание и людям, но надо, чтобы люди пришли и нашли, где помолиться. Православная Церковь традиционно всегда приглашала верующих собираться в храме и молиться, и эта общая соборная молитва более действенна, она доходчивее, она эффективнее, и к ней мы уже приучены, поэтому перестраиваться на домашнюю, на келейную, на частную молитву — это не в наших традициях, и это, в конце концов, приведет к потере и Церкви, и верующих, церковного стада. Поэтому, конечно, нужно прежде всего удовлетворить все потребности, все нужды людей верующих. Священники должны служить истово, должны научить людей молиться, должны обеспечить людям удовлетворение духовное, чтобы он уходил из храма не просто опустошенный, а чтобы он уходил наполненный, торжествующий, ликующий, согретый, шел домой, как по-

лучивший огромную поддержку, и это помогало ему жить и исполнять свой христианский долг.

Нужна, конечно, школа, нужно воспитывать детей — это будущее Церкви — воспитывать детей, воспитывать людей и одновременно восстанавливать храмы, возрождать монастыри и заниматься миссионерством. Все очень важно. Есть, конечно, приоритеты. Мне трудно сказать, по-видимому, приоритет — это прежде всего молитва, без молитвы мы ничего не сделаем; если мы не научим людей молиться или не объясним им, или не покажем, как надо молиться, то все остальное теряет смысл. Можно говорить о миссионерстве, можно проповедовать, сколько хотите — пока он вас слушает, он будет с Вами, а как только Вы ушли — он Вас потерял, он Вас забыл, он остался опять один. А нужно поставить церковную работу так, чтобы верующий человек всегда был наполнен: молитва, проповедь, пример, участие, диакония, служение, помощь больным, страдающим, воспитание, поддержка — это все составляет настоящий путь христианина. Любовь, жертвование, смирение, терпение, поддержка, строительство, созидание — жизнь должна быть полной, плодотворной, поэтому все очень важно. Но я думаю, создание условий, сохранение святынь - эта задача очень важная и серьезная.

1999 год